

Е. В. Галкин

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГОРОД НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИЛИ «ПОТЕМКИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»?

Ключевые слова: АТЭС, «восточное направление», АТР, глобальный город, локальное сообщество, Владивосток

Говоря о политической структуре, исследователи, как правило, подразумевают какой-то ее уровень — глобальный, региональный, локальный. Относительная автономность этих уровней¹ — во всяком случае, в российских работах — чаще всего не рефлексируется. Такой подход во многом оправдан, но только до тех пор, пока уровни эти (не акторы, в них существующие, а именно уровни) не вступают в противоречие, в конфликт. В этот момент различия в характере и направленности интересов, в типах организации и политики вообще актуализируются, обнажая и специфику самих уровней. Ярким примером подобной актуализации стали, в частности, недавние события в одном из наиболее отдаленных субъектов Российской Федерации — Приморье.

В сентябре 2012 г. в краевом центре Приморья Владивостоке прошел саммит АТЭС. Несмотря на то что это мероприятие воспринимается уже в прошедшем времени, в СМИ продолжают звучать вопросы: а зачем оно было нужно?² Какова была цель миллиардных вливаний? Для чего понадобилось строить гигантский мост и десятки зданий на острове Русский, расширять аэропорт, менять планировку целого (и крупнейшего в регионе) города? Все чаще слышатся голоса: это пиар! Российская власть хочет продемонстрировать миру очередную «потемкинскую деревню!» Так ли это? Думаю, что не так или в очень большой степени не так.

Я далек от мысли идеализировать масштабное строительство, проводившееся в регионе в последние годы. Понятно, что и «откатов» с «распилами» здесь хватало, да и обычная бесхозяйственность, наверное, имела место. Интереснее другое. Зачем это было? Для ответа на этот вопрос прежде всего имеет смысл развести два явления — проведение саммита во Владивостоке и инвестиции в крупнейший порт региона³. Таким образом, вопросов оказывается два. Зачем России и региону был нужен саммит АТЭС? Зачем нужны были гигантские инвестиции в город и регион? Конечно, эти вопросы тесно связаны, иначе я бы не стал задавать их в рамках одной статьи. Но, тем не менее, это разные вопросы.

¹ См. Туровский 2006.

² Камышев б.г.

³ Санина б.г.

Итак, зачем нужен был саммит? Попробую ответить. Россия — евразийская держава. Ее меньшая по площади, но большая по степени заселенности, освоенности часть расположена в Европе. Там же находятся крупнейшие центры страны, ее глобальные города⁴ — Москва и Санкт-Петербург. Да и большинство городов-миллионников, приближающихся по уровню развития и функциональной нагрузке к глобальным, расположено к западу от Уральского хребта. За ним влияние отечественных глобальных центров слабеет, а ориентация на Европу перестает быть абсолютной. Так, уже в Новосибирске южное и восточное направления по объему товарных и людских потоков составляют реальную конкуренцию западному⁵. В районе же Красноярска влияние этих центров сходит на нет.

⁴ См. Сассен 2007: 9—27.

⁵ Тайченачева 2012.

Тем не менее исторически именно Европа притягивала Россию, служила ориентиром ее политики и экономики. В европейской части страны сосредоточена основная масса населения, производственные мощности и транспортные связи. Однако Европа отнюдь не спешила заключать наше отечество в братские объятия. Идущая исподволь на протяжении последних десятилетий европейская интеграция осуществлялась преимущественно помимо России. В Европу вошли отпавшие куски Советской империи, а вот для ее наследницы место отыскалось весьма незавидное. Не вполне то, что отводят париям преступного мира в камере (его прочно заняли Албания с Молдовой), но и не во главе стола. Это место поставщика сырья или, как пишут коллеги-экономисты, продукции с низкой добавленной стоимостью⁶.

⁶ Минакир 2012: 131—133.

Рынок в Европе достаточно строго организован и оформлен институционально. Есть жесткое распределение ролей, есть четкие правила. Россия заняла здесь свою нишу, и иной она в ближайшем будущем не станет.

В условиях, когда экспорт углеводородов приносил гигантские доходы и казалось, что так будет всегда, такое положение мало кого беспокоило, и призывы к диверсификации внешнеэкономических рынков оставались призывами. Наличие унаследованной еще с советских времен системы трубопроводов в Европу, относительно развитой транспортной сети и мощных финансовых структур, расположенных в европейской части страны, делали развитие иных направлений крайне затратным и потому нежелательным. Угасающее влияние глобальных центров на зауральские регионы России имело своим следствием и предельно слабое развитие коммуникаций. И хотя за постсоветские десятилетия в транспортной системе, связывающей восточносибирские и дальневосточные территории России с сопредельными странами, произошли определенные позитивные сдвиги — расширилось авиасообщение, увеличилось число железнодорожных маршрутов, появились автомобильных «переходы», по степени своего развития «азиатские» коммуникации не шли ни в какое сравнение с европейскими⁷. Торговые связи носили по большей части приграничный характер. Лишь на рубеже веков они начали выходить на уровень АТР, но и там оставались довольно

⁷ Шинковский б.г.

слабыми. Для того чтобы переориентация хозяйства страны на Восток оказалась возможной, требовались очень серьезные резоны.

В середине «нулевых» годов такие резоны возникают. Постепенно свертываются традиционные ближневосточные и североафриканские интересы России. Более того, становится очевидно, что в перспективе освоение сланцевого газа вкупе с жесткой позицией европейских потребителей может поставить под удар даже российский сырьевой бизнес⁸.

⁸ Башкатова 2012.

По логике вещей необходимо постепенно отказываться от «нефтегазовой иглы» и осваивать новые сферы деятельности, пока эта «игла» еще кормит. Но на «западном» направлении, как бы ни тянуло Россию к Европе и в Европу, это сделать труднее, чем где бы то ни было. Рынок там отстроен и поделен, и «новичку» на нем делать особенно нечего. «Плата за вход» слишком высока. Она достаточно высока, чтобы защитить господствующие корпорации от любого внешнего вмешательства.

Таким образом, на европейском направлении роль России не слишком велика, причем налицо тенденция не к увеличению ее, а к сокращению. Смириться с такой ролью, признать ее — значит навсегда отказаться от статуса мирового игрока, и политического, и экономического, с позиции одного из мировых «центров силы» (Российская империя, Советский Союз) опуститься до уровня даже не региональной державы, а среднего сырьевого государства типа Венесуэлы или Боливии. И тут России не поможет даже ядерное оружие: его наличие не сделает ее более серьезным игроком, разве что более опасным.

Здесь и всплывают азиатские рынки и «восточное направление». Ведь территориально Россия на три четверти расположена в Азии. В Азии же находятся основные источники ее сырьевых ресурсов. Важно и то, что азиатские рынки, несмотря на всю их значимость, гораздо менее устоялись, гораздо менее устоялись там и роли стран и конкретных групп интересов. Именно на рынках Дальней Азии, на рынках АТР Россия и может обрести статус значимого игрока. Не случайно перспективы выхода на китайский рынок обсуждались в России еще на рубеже веков. Но для этого мало одного желания или, как сегодня принято говорить, политической воли. Чтобы задача стала решаемой, необходимы транспортные пути, порты, торговые и логистические центры. Не следует забывать и о специфике деловой коммуникации в Северо-Восточной Азии. В отличие от европейских рынков, экономика стран АТР, особенно азиатских, организована по принципу «элитных клубов».

⁹ См. Сергеев, Казанцев 2007.

Конечно, в Европе личные знакомства, «клубность» тоже значат немало⁹. Но все же они здесь не более чем дополнение к институциональной системе, базирующейся на общности истории, политических форм и т.д. В Азии же они — основа транснациональной экономики. В регионе представлены все мыслимые политические режимы — от формализованных демократий до традиционных монархий, все идеологии — от либерализма до коммунизма. Для того чтобы нивелировать такие различия и, следовательно, снизить обусловленные ими транзакционные издержки, используются неформальные (личные, дружеские)

контакты. Будучи, естественно, представителем корпорации, человек выступает тут прежде всего как частное лицо. Возникают устойчивые сети людей, лично знающих друг друга, доверяющих друг другу, делающих общий бизнес в разных странах. Это доверие и позволяет преодолеть различия в идеологии и в политических режимах между, скажем, коммунистическим Китаем и монархическим Таиландом. Оно служит оптимальной «страховкой» для бизнеса, существенно лучшей, чем довольно спорное и неопределенное «международное право». Само же доверие базируется на встречах, в том числе в формате АТЭС.

Войти в эти клубы, стать в них «своими» и пытаются сегодня представители ведущих российских фирм, государственных монополий, крупнейших банков. Конечно, это еще не «членство», однако это важный шаг на пути к нему. Чтобы русский бизнес стал своим в Азии, нужно много встреч в разных форматах, в разном составе. Именно поэтому затраты на форум — это не издержки, точнее, не только издержки, но и инвестиции в будущее, в новые рынки и новые возможности для страны и региона.

Не секрет, что, будучи оставлен практически на произвол судьбы в 1990-е годы, регион самостоятельно, на свой страх и риск осуществлял выход в АТР. За десятилетия сложились устойчивые личные и деловые контакты, знакомства. И здесь мы подходим к той точке, в которой первый вопрос плавно перетекает во второй. Далеко не все инвестиции во Владивосток и регион в целом являются инвестициями в саммит. Да, Россия пытается сегодня «прорубить окно в Азию», причем, похоже, впервые в своей истории пытается всерьез. И делается это не на уровне стихийного движения, как в XVII—XVIII вв., не на уровне военно-политической экспансии и философских построений, как в конце XIX — начале XX в.¹⁰, а на уровне долговременной и целенаправленной политики. Но само мировое пространство сейчас в минимальной степени «территория», «площадь».

¹⁰Межуев 1997.

В настоящее время взаимодействуют не столько страны, сколько мегаполисы, крупнейшие центры постиндустриальной экономики, транспортные узлы, центры проведения мероприятий «больших форматов», финансовые центры. Из ближайших к российскому Дальнему Востоку городов это Осака в Японии, Шанхай и Гонконг в Китае, отчасти Пусан в Корее и некоторые другие. Страны, чья экономика имеет возможность использовать ресурсы глобальных городов, получают зримые преимущества в виде инвестиций, технологических и управленческих инноваций и т.д. Но единственный город России, который входит в список глобальных городов мира, — это Москва. Даже Санкт-Петербург включают в него с большим числом оговорок. Именно Москва транспортно связана с большинством мировых центров, именно она выступает местом сосредоточения финансовых и товарных потоков и наиболее квалифицированных специалистов, источником инноваций для остальной России.

Однако при всем своем глобализме Москва — европейский город. Ее влияние (как глобального города, а не политической столицы) опре-

деляет экономический и социальный облик европейской части страны и Урала. При продвижении далее на восток оно может быть «внедрено» лишь политическими методами, которые, однако, оказываются чудовищно затратными и зачастую бессмысленными в экономическом плане. Не случайно процветание (понятное дело, относительное) Дальнего Востока в 1990-е годы было связано с качественным ослаблением «политического фактора» и переориентацией региона на ближайшие глобальные центры.

При этом регион все сильнее втягивался в экономику «чужих» глобальных городов и стран, отрываясь от России. Позитивный для региона процесс оказывался далеко не позитивным для страны в целом. Да и применительно к региону его позитивность была не бесспорной. Ведь востребованными в глобальных центрах были отнюдь не технологии, а исключительно природные ресурсы. Да, за них платили, но произведенную из этих материалов продукцию местные жители потом покупали намного дороже. Здесь и возникает совершенно уникальная задача — построить в Приморье не крепость (с этого и начиналось), не завод (это уже было), а глобальный город.

Географически место уникальное. Единственный российский порт, имеющий выход в открытый океан, причем с проходом по российским территориальным водам, один из немногих в стране незамерзающих портов плюс последняя станция трансконтинентальной магистрали, обладающая и собственным аэропортом. Но проблем встает не меньше. Военное прошлое (город-крепость) наложило свой отпечаток. Город неудобно спланирован. Транспортные проблемы Владивостока давно стали притчей во языцех. Аэропорт маленький и неудобный, существенно уступающий по пропускной способности не только хабам городов-миллионников европейской части страны, но и аэропорту Хабаровска. Вузы, не пользующиеся авторитетом в мире, острый недостаток конференц-залов и гостиниц. Кроме того, город расположен «в углу» даже относительно региона, не втягивает в себя региональное пространство, оставляет множество «закутков». Соответственно, необходимы дороги, дополнительные городские центры, резкое увеличение плотности коммуникаций. На все это и были направлены государственные и отчасти частные инвестиции.

Однако идея построения глобального города на восточной окраине страны, идея реальной, а не номинальной интеграции в глобальный мир столкнулась с интересами местного сообщества, в минимальной степени ориентированного на участие в глобальном взаимодействии.

Строго говоря, смысл всех проектов, реализуемых во Владивостоке, сводится к тому, чтобы в городе было комфортно жить, чтобы использование его возможностей делало осуществление деловых транзакций наиболее удобными и дешевыми. Сегодня это выглядит перспективой отдаленного будущего. Сохраняется тенденция к отъезду из Владивостока наиболее энергичной части населения. Бурная экономическая активность 1990-х годов практически сошла на нет, а включенные в нее люди либо вытеснены с экономического поля, либо на-

шли себе более простой и надежный заработок в виде государственных и муниципальных заказов. При этом если прежняя форма экономической активности, обретшая адекватные ей политические формы, допускала к распределению благ достаточно широкий круг лиц (популистская рента), то новая уже не связана с необходимостью заботиться о популярности среди населения. Элита региона и его жители утрачивают жесткую связь. Как следствие, уровень жизни в городе и регионе в целом заметно снижается. Об этом говорят респонденты в ходе социологических опросов. О том же свидетельствует и рост миграции, являющийся для региона главным показателем восприятия населением протекающих процессов.

Но и в отношении федерального проекта местные элиты оказываются в достаточно специфическом положении. Ведь прежний тип деятельности, несмотря на его «серый» характер — а может, и благодаря этому, — был доходным. (Другой вопрос, что часть этого дохода перераспределялась в пользу населения.) Для того чтобы сделать государственный или муниципальный контракт столь же доходным, необходимо перенаправить часть средств из масштабных федеральных проектов в сферу тех самых привычных контрактов. А это ведет к удорожанию не только федеральных проектов, но и жизни в городе, «цены» ведения бизнеса.

Владивосток остается одним из самых дорогих городов страны, что тоже весьма негативно сказывается на перспективах его развития. Ведь глобальный город образуется там, где осуществлять экономическую деятельность, да и просто жить, проще и комфортнее. Отчасти такая дороговизна (стоимость минимального продуктового набора здесь примерно на 30—35% выше, чем средняя по стране, а стоимость квадратного метра жилья приближается к московской¹¹) имеет объективную природу. Однако не менее сильно она связана со специфической властной дистрибуцией в городе и ее влиянием на общий социально-экономический климат в Приморье.

Дело в том, что традиционно столица Приморья, как и сам край, представляла собой полицентрическую систему. В советский годы в сложную систему взаимодействия включались военное и гражданское руководство порта, штаб Тихоокеанского флота, партийные органы. И хотя ведущей силой, вне сомнения, был ТОФ, сбрасывать со счетов другие «группы влияния» тоже было бы не совсем верно. В период пребывания в должности губернатора Е.И.Наздратенко ему приходилось делить власть с мэром Владивостока В.И.Черепковым. Да и сама функция краевого руководства заключалась не столько в управлении, сколько в «надзоре» за различными кланами, игравшими ключевую роль в хозяйственной (и социальной) жизни города и края.

Даже приход на пост губернатора лидера одного из кланов С.И.Дарькина не намного упростил ситуацию. Ожидаемый конфликт с мэром краевого центра, представителями силовых структур и т.д. быстро восстановил привычное положение вещей. Причина проста. Владивосток дает свыше трети формальных и до половины неформальных до-

¹¹ http://www.rosrealt.ru/statya_nedvizhimost/107/.

¹² Саначев б.г.

ходов края. В условиях реализации Федеральной целевой программы его значение еще больше возрастает. В итоге все значимые властные агенты претендуют на одно и то же¹². Сегодня во властной структуре Приморья представлены три группы: группа нового губернатора В.В.Миклушевского, группа Дарькина, сохраняющая определенные позиции в экономике края, и группа мэра Владивостока И.С.Пушкарёва. Поскольку же контроль над расходованием бюджетных средств заметно вырос, то наполнение внебюджетных фондов, от которых зависят реальные возможности руководителя, достигается путем увеличения нагрузки на малый бизнес, повышения стоимости земли, аренды и пр. Все это и вызывает рост цен, остановить который пока не удастся. Свой вклад в этот процесс вносит и сохранение издержек губернаторского уровня, по сути уже утратившего роль необходимого для жителей силового оператора-защитника и трансформировавшегося в избыточного посредника, бессмысленный реликт прошедшей эпохи. Располагаясь между населением и федеральным уровнем власти, он существует автономно и от первого, и от второго, все больше превращаясь в «вещь в себе».

В не менее сложном и противоречивом положении оказывается и население территории. Оно лишилось «защитника» привычных форм деятельности и социальной организации в лице губернаторского уровня, при том что само наличие такового во многом препятствует адаптации местного сообщества к потребностям глобального города.

Необходимо понимать, что, помимо экономической составляющей, соответствующие мероприятия имеют крайне значимый социальный компонент. Суть его в том, что характер сложившегося и оформившегося территориального сообщества города сегодня вступает в противоречие с задачами Владивостока как глобального центра.

Как известно, одним из важнейших элементов социальной структуры глобальных городов выступают «глобальные жители». Это не только и не столько люди, ориентированные на проживание в глобальном мире, на перемещение, хотя этот момент тоже присутствует, ведь коммуникация с миром здесь (по логике явления) наиболее плотная. Речь идет о социальных агентах, чья деятельность связана с глобальной коммуникацией, об операторах этого пространства, а не просто населяющей его массе. Это администраторы глобальных информационных систем, сотрудники мировых информационных агентств, представители страхового бизнеса, банковской сферы, основанной на современных технологиях, работники таможенных, складских и транспортных структур, обеспечивающих быстрое и — в идеале — беспроблемное пересечение границы людьми и товарами, работники индустрии гостеприимства (персонал многочисленных гостиниц, ресторанов и кафе, конференц-залов и т.д.) и сферы развлечений и, конечно, представители научного и хозяйственного истеблишмента, осуществляющего значимые в мировом (региональном) масштабе операции и создающего наукоемкую продукцию с высоким уровнем добавленной стоимости. Иначе говоря, «глобальные жители» — это те, кто обеспечивает выполнение городом

своих глобальных функций, чья деятельность связана с организацией и обслуживанием потоков людей, финансов, ресурсов, услуг, информации.

В глобальных центрах, как показала С.Сассен, такие люди составляют большинство¹³. Во Владивостоке пока иная ситуация. По данным Статистического управления Приморского края (2010 г.) и сайта «Социальный атлас регионов»¹⁴, значительная часть населения города занята в сфере индустриального, да и доиндустриального производства, никак не связанного ни с транзакционной экономикой, ни с экономикой знания. Достаточно высок — до 9% населения — процент государственных и муниципальных служащих, имеющих косвенное отношение к рынку и глобальному миру и ориентированных на локальное взаимодействие в рамках данной территории.

Именно государственные и муниципальные служащие и выступают сегодня лидерами территориального сообщества, на них в той или иной мере оно продолжает ориентироваться. Но их интересы отнюдь не совпадают с интересами глобального города. И это не проявление местничества и эгоизма, а нормальное осознание масштабов своей деятельности. Решая вполне локальные задачи, лидеры территории (экс-губернатор края Дарькин, мэр Владивостока Пушкарев и их администрации) осуществляли масштабное перераспределение федерального ресурса, заменяя тем самым сократившийся вследствие роста таможенных сборов ресурс местного товарооборота. Сегодня статистический прирост ВВП Приморья (очень большой, почти в два раза выше общероссийского) обеспечивается именно федеральными инвестициями, которые и перераспределялись в интересах региональной элиты. Новый губернатор, ставленник федерального центра, пытается поставить задачи глобального города, в формировании которого заинтересована страна в целом, над интересами местного сообщества. Однако успех этого процесса не очевиден. Привнесение во Владивосток элементов глобального города привело к тому, что там сложилась своего рода «двухслойность» с очевидным преобладанием локальной составляющей. На это указывают, в частности, результаты опроса, проведенного во Владивостоке в преддверии саммита¹⁵ (см. табл. 1).

¹³ Sassen 1996.

¹⁴ <http://atlas.socpol.ru/portraits/Prim.shtml#demography>.

¹⁵ Генеральная совокупность — жители Владивостока старше 18 лет. Выборочная совокупность — 600 респондентов. Выборка квотная (квотировались пол, возраст, уровень образования, район проживания).

Таблица 1 Какой вариант будущего развития города Вам кажется предпочтительным?

Крупный индустриальный, культурный и образовательный центр Дальнего Востока	39,6%
Закрытая крепость (форпост) на востоке России	26,7%
Центр российского политического, экономического и культурного влияния в АТР	10,5%
Административный центр Дальнего Востока	18,0%
Другое	4,8%
Затрудняюсь ответить	0,3%

В условиях естественного возникновения глобального города, как это было, скажем, с Амстердамом или Венецией, носители локального сознания постепенно «вымывались» на периферию и за территорию города, а городская «локальность» становилась общемировой. (Так, агенты, защищавшие интересы Венеции, жили в Каире, Гоа и т.д.¹⁶) Если носители такого сознания и оставались в городе, то занимали там субдоминантное положение.

¹⁶ Бродель 2002: 236—239.

В рамках искусственного образования, каковым пока является «глобальный» Владивосток, противоречия между крайне незначительным слоем «глобальных операторов» и большинством территориального сообщества, существующего вполне локально, все больше обостряются. Для представителей этого сообщества превращение города в центр транзакционной (постиндустриальной) экономики и соответствующие социальные трансформации — это прежде всего разрушение индустриальной экономики и привычного образа жизни. Показательно, что даже те владивостокцы, которые признают пользу саммита, говорят главным образом о решении некоторых бытовых проблем (стало быстрее добираться до спальных районов и аэропорта и т.п.), а отнюдь не о глобальных перспективах города¹⁷. Это видно и из линейного распределения ответов на вопрос о смысле объектов, построенных в городе в последние годы (см. табл. 2).

¹⁷ <http://www.openspace.ru/note/376>.

Таблица 2 В чем для Вас смысл объектов, построенных в городе в последние годы?¹⁸

¹⁸ Респондентам предоставлялась возможность выбрать два варианта ответа, поэтому сумма превышает 100%.

Они дают возможность Владивостоку стать глобальным торговым центром	7,2%
Они повышают удобство жизни в городе	35,3%
Они улучшают имидж России и Владивостока в АТР	31,2%
Они позволяют полнее задействовать производственные мощности города и края	29,8%
Все объекты — бессмысленная трата денег	28,6%
Затрудняюсь ответить	15,5%

Иными словами, существуют достаточно сильные и осознающие себя группы интересов, противящиеся развитию Владивостока, как и региона в целом, в рамках глобального рынка. Это и основная масса населения города, и его традиционные элиты. Что касается групп, ориентированных на глобальное взаимодействие, то они еще только формируются и ни в коем случае не являются данностью.

Удастся ли соединить интересы глобального города с интересами территориального сообщества, большая часть которого настроена отнюдь не глобально, и сделать это соединение минимально конфликтным, покажет будущее. Пока же важно осознать это противоречие, описать его, выявить направление, на котором возможно его преодоление.

Говорить, что задача выполнена, на сегодняшний день рано. Собственно, саммит — это еще и проверка готовности города и региона к новому статусу, новой функции. Ведь одним из признаков глобального города является способность проводить мероприятия, число участников которых превышает 500 человек. Но самая главная проверка все-таки впереди.

Уже сегодня звучат прогнозы о стагнации региона после сокращения федеральных трансфертов. Сможет ли Дальний Восток стать глобализованным регионом, а Владивосток — российскими воротами в Азию без подпорок в виде щедрых государственных вливаний? Все это выяснится довольно скоро. Сможет? Значит, государственные инвестиции в регион были инвестициями в будущее. Нет? Значит, это был пиар, вложения в «потемкинскую деревню».

Впрочем, построенные дороги, мосты, тоннели, аэропорты останутся. И это в любом случае радует.

Библиография

- Башкатова А.** 2012. «Газпром» занимает кадровую оборону // *Независимая газета*. 13.09 (http://www.ng.ru/economics/2012-09-13/4_gazprom.html).
- Бродель Ф.** 2002. *Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. Т. 1. — М.
- Камышев В.** *Саммит: аврал в Приморье* (<http://www.svobodanews.ru/content/article/24685797.html>).
- Межуев Б.В.** 1997. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // *Полис*. № 1.
- Минакир П.А.** 2012. Интеграционные проблемы России в АТР // *Пространственная экономика*. № 2.
- Саначев И.Д.** *Мэр Владивостока и губернатор Приморья будут воевать всегда* (<http://news.vl.ru/ggg/2007/03/02/vojna>).
- Санина И.** *На пути России в Азию пропасть шириной с Волгу* (<http://nr2.ru/moskow/403646.html>).
- Сассен С.** 2007. *Глобальный город: теория и реальность*. — М.
- Сергеев В.М., Казанцев А.А.** 2007. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // *Полис*. № 2.
- Тайченачева Т.** 2012. Как создать «мировой город» // *Эксперт: Сибирь*. № 7 (<http://expert.ru/siberia/2012/07/kak-sozdat-mirovoj-gorod/>).
- Туровский Р.Ф.** 2006. *Центр и регионы: проблемы политических отношений*. — М.
- Шинковский М.Ю.** *Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока* (<http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159>).
- Sassen S.** 1996. *Transnational Economies and National Migration Policies*. — Amsterdam.